

АНТИГОНА

*Чем живет маленькая Антигона?
Напиши о ней стихи.*

Из письма Владислава Свительского,
1965

Не надо, девочка Исмена,
не плачь — я ровно в срок ушла.
Я не была ни злой, ни смелой —
я просто маленькой была.
Я называлась Антигоной,
смеялась, бегала, спала.
И не заносчивой, не скромной, —
а просто маленькой была.
Не надо, девочка Исмена,
просить, бояться, слезы лить.
То не заслуга, не измена —
родного брата схоронить.
Креон был стар и вечно занят:
жена, народ, долги, дела...
Он ни при чем — пусть не терзается:
я на него совсем не зла.

Не надо, девочка Исмена...
Я, маленькая, поняла
большую ложь, большую скверну,
большую жизнь —
и потому моя мала.

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛОГОРЬЕ

Андрею Логуткову

Может, большего не надо,
чтоб увидеть не во сне
даль, открытую для взгляда,
неоглядную вполне?
Может статься, выйдет случай:
будет лучше, чем тогда,
где из белой била кручи
то ли память, то ль вода;
где зияла тьма, как дуло,
и в пещерах меловых
нас всех разом протянуло
сквозняком времен иных;
где, спускаясь узким лазом,
как веревкою одной
каждый с каждым был повязан
то ль надеждой, то ль виной.

...Как бы ни было: поныне
ветер с тех доносит гор
горечь выжженной полыни
нам в спасенье — не в укор.
Будто тем задонским мелом
мы за все свои вины —
перед небом без пределов,
перед памятью несмелой,
перед добрым светом белым —
были впрок обелены.

1986

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ СТРАНЫ

Речи толкали, рядом сидели,
песенки пели, взгляды ловили...
Ира — в Сиэтле, Феликс — в Сиднее,
Нелка — и кто там еще! — в Тель-Авиве.

С запада ветер или с востока,
дождик ли с юга, с севера стужа...
Милые друзья, как мне одиноко!
Боги, о Боги, как мне недужно!

Глупое сердце, полно, уймися:
двери закрыли, гитары забрали
Миша с Андреем... Но Лондон, Тбилиси —
уж не такие дальние дали!

Экая новость — стороны света,
хляби земные... Только живите
и отзывайтесь!

Да нетути, нету
Гордина Вити, Беляева Вити.

Что ж остается? Верь и надейся —
тут еще много родного народа:
нет никого на Полях Елисейских,
всех не забрали Летейские воды.

2000

* * *

Андрею Изакару

При лампе, при лучине, при свече ли,
в сиянье люстр, в мерцании лампад —
месяцеслов листали книгочеи
и сто, и полтора ста лет назад.
Он был в чести и пребывал в опале:
в спецхране заперт, сослан на чердак,
мышами еден, поносим... Едва ли
не целый век — забвения черта.
Ничто не вечно и ничто не ново,
но вновь глаголют ветхие листы.
Как Пушкин, помнится, писал Плетневу:
в них прелесть вымысла и простоты.
Не тарабарщина, не литорея, —
хоть век иной и мы не те уже...

И вспоминаю об отце Андрее,
читая про Апостола Андрея,
что Первым зван и распят на крыже.

2004

* * *

Памяти Александра Валагина

Сжималась плоть в осаде роковой:
ползли недели, месяц волочился,
в календаре переменялись числа,
и приближался день сороковой.

Подкрадывался плач исподтишка,
мольба молчала, музыка не пела.

Лишь детский лепет робкого стишка
бередил душу редко и несмело.

Все сказано и будет впредь, как есть,
все кончится мучительно и грубо...
Но почему-то просто произнести:
«Ты был, ты жил», — не научались губы.

Не оттого ль, где дольний мир живой
и горний свет сошлись на грани зыбкой,
сияла мне приветная улыбка
и накликал нам встречу голос твой?

2006

ПИСЬМО АРКАДИЮ СЛУЦКОМУ

...А в бездне той, куда сокрылись годы,
куда ушли любимые гурьбой,
где сгнули и страны, и народы,
не диво ли: остались мы с тобой,
покуда живы...

Пусть к другим пострел
сбежал с колчаном нежных, пылких стрел —
мы у стрелка иного на прицеле.
Но, слава Богу — здесь пока и целы.

Бесценный мой, мой самый первый друг!
Все свет тусклей, теснее жизни круг,
печаль слышнее, глуше наши речи,
и новый век не ищет с нами встречи.

А сколько звезд над нами отмерцало!
А сколько верст меж нами пролегло...
Но юности бесстрашное зеркало
не искажает — честное стекло.

P.S.
Мой друг седой, скворец мой чернокрылый!
Я не напрасно извела чернила.
Пусть подождет последний твой скворечник:
нам торопиться некуда — мы вечны.

Скажу: люблю — и не солгу.
Твоя по-прежнему — Г.У.

2011